

Н. И. Красняков

**ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНОСОВ И РЕГИОНОВ
В ЕДИНОЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ «ИМПЕРИЯ»**

Категория «империя» в юридической науке детерминировано историко-политическими свойствами, имеет в основе многоукладность государственных, правовых традиций. Имперское управление закрепляет асимметричный статус этносов и регионов по отношению к центру. Динамика их интеграции обусловлена, прежде всего, геополитическими и геоэкономическими факторами. Автор, в частности, предлагает собственное видение характеристик имперской государственности.

The «empire» category is determined in legal science by historical and political characteristics and based on multi-structural public traditions. Imperial administration strengthens the asymmetrical status of ethnic groups and regions in their relation to the centre. Their integration dynamics is preconditioned, first and foremost, by geopolitical and geo-economic factors. The author provides his own vision of the characteristics of imperial statehood.

Ключевые слова: империя, интеграция, этнос, нация, регион.

Keywords: Empire, integration, ethnic group, nation, region.

Расширение мировоззренческих горизонтов правосознания современного мыслителя функциональным образом отразилось и на исследовании прежде во многом формализованной имперской парадигмы в позитивации общественных институтов, в частности интеграции наций-этносов завоеванных территорий, инкорпорации местных правовых систем в единое имперское законодательство и преодолении обычно-правового партикуляризма, встраивания самобытного административного строя периферии в унифицированную систему центральных правительственных учреждений, наконец, во взаимообусловленности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения, власти окраинных регионов и центра.

Как известно, в истории в качестве государств-лидеров своего времени создавались, функционировали, исчезали и становились объектом изучения многие империи. Однако приложение какой-либо матрицы к имперским политико-правовым пространствам не удавалось ни древним мыслителям, ни современным ученым, и лишь в ходе типизации научного аппарата по отраслям знания путем разделения смысловых субстанций постепенно пришла осознание комплексности и междисциплинарности политико-правовой категории «империя». Сложность ее определения обусловлена также прошлой и настоящей многозначностью, широтой практического использования имперского конструкта в различных гуманитарных науках: истории, философии, социологии, политологии, историко-теоретических юридических исследова-

дованиях. Кроме того, данная научная категория имеет оттенки нарастающей глобализации общественных отношений и борьбы мировых и региональных идеологий во взаимодействующем и быстроменяющемся мире, которые сопровождаются «резким ростом транснациональных институтов, движений и диаспор; ослаблением национального государства; возникновением новой (или возрожденной) политики самосознания, излагаемой скорее на языке альтернативных модернизмов, нежели в понятиях европейского модернизма XIX века; кризис способов отображения в общественных и гуманитарных науках» [12, с. 45]. Отсюда возникает и возрастающая необходимость в определении наукой тенденций современного общественно-политического развития, потребность придать имперской тематике завершенный смысл.

К первым абстрактным определениям империи, по мнению профессора Стэнфордского университета Р.Г. Суни, следует отнести сформировавшийся к концу XVI в. ее смысл как «значение статуса, государства и политических отношений, которые удерживали в союзе группы населения в расширенной системе» [20, с. 37]. В российской общественной мысли начальные толкования нашли отражение в словаре В. Даля: «Империя — ж. латин. государство, которого властелин носит сан императора, м. неограниченного, высшего по сану правителя» [23, с. 42]. В начале XX в. появляется определение с позиций ученых: «Империя — государство, управляемое государем, имеющим титул императора. Империя Российская. Управлять империей. Распространить, расширить пределы империи» [18, с. 1141]. Советское время восприняло буквально уже имеющееся толкование: «Империя — монархическое государство с императором во главе» [16, с. 220], а в современную эпоху сложилось толкование этого неоднозначного явления, сочетающее формационный и цивилизационный подходы к государственности и отражающее дуалистический политический смысл: «Империя — (лат. империум — власть; государство) — монархическое государство, главой которого является император; империей назывались также государства, имевшие колониальные владения (Британская, Французская)» [19, с. 31].

Стремление обнаружить сущность имперской формы организации социальной власти выражено в исследовании видного русского ученого Л. А. Тихомирова, признавшего, что в классической империи — Риме — «власть императорская по существу все-таки оставалась не верховной, а лишь делегированной от народа». Далее он отмечает: «Как при республике самодержавный народ поручал всю управительную власть аристократии, так он передавал теперь всю власть Кесарю» [22, с. 122]; значит, в империи первоначально сохраняются преобладание воли прежних социальных групп и народный характер государственной власти. Думается, все же есть смысл уточнить, что формирование империй в различные периоды проходило и другими путями — в силу действия в иное время других факторов влияния, наиболее содержательно обобщенных в формационной и цивилизационной типизации истории государства и права. Соответственно, империя может быть и не деспотической — в случае сохранения значительных элементов самоуправления, например в виде общественно-территориальных, кор-

поративных и сословных форм самоорганизации населения, как это было в развивающей автономии Канады и Индии Великобритании. А отдельные исследователи на основе анализа-сопоставления противоречивых друг другу мнений Кавелина и Самарина приходят к выводу, что, в частности, применительно к Российской империи «сама история заставляет нас создать новый, небывалый, своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия как — самодержавной республики» [17, с. 353]. В определенной степени такое убеждение небезосновательно, поскольку синкретический подход к пониманию власти сохранялся до Нового времени. К тому же, согласно точке зрения известного государствоведа В.Е. Чиркина, лишь с европейских писателей-утопистов начинает разделяться власть сверхъестественных сил, природных факторов, людей-героев и общественная власть [25, с. 39], то есть за этим рубежом трансформируется подход и содержание в имперской государственности, приобретает ее западноевропейское восприятие.

Проследивая эволюцию государственной власти в имперскую форму, необходимо отметить, что воля монарха с течением времени все более перестает быть идентичной интересам различных социумов этого большого политико-территориального образования, консолидирующие возможности государственного механизма ограничиваются. Вследствие вышеобозначенного в исследовании имперского управления требуется учитывать контекст регионализма, определяемого нами как принцип институциональной организации адекватных конкретному жизненному пространству политических и административных структур, а также социокультурных и экономических институтов, призванных эффективно и действенно, с учетом специфики данного пространства осуществлять управление общественными процессами. В целях удобства управления огромными территориальными пределами имперских государств бюрократия нивелирует самобытные правовые, религиозные, культурные традиции этносов, консолидируя лишь общегосударственные дела и приводя, таким образом, сначала к потере связей согласования-координации, а в дальнейшем и господства-подчинения субъектов социума в политике. В конечном итоге, без этой опоры объединенное империей общество перестает существовать, а государство вступает в полосу кризиса, слома экономических и социально-политических конструкций. Устойчивость обозначенных связей определяется сохранностью и жизнеспособностью обычных общественных институтов и традиционностью духовной сферы общества, и, по нашему убеждению, восточные империи именно по этой причине оказывались долговечнее.

Идея империи, как уже отмечено выше, — это европейская идея Нового времени, означающая политико-общественное структурное образование, предназначенное для введения в подзаконное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов; поэтому именно в Римской империи и возникает идея закона, которой следует император так же, как и его поданные. В данном случае оговоримся: история знает разные типы отношений между империями и входящими в них

этническими общностями, но неизменным в имперском политико-территориальном устройстве остается одно — сосуществование представителей многих этносов в единой системе власти и закона. Стоит вследствие этого отметить, что необходимым условием появления империи является существование привилегированного и достаточно обширного сообщества (не элиты, а именно сообщества) — этноса (возможно, титульной нации — подход дискусионен), конфессии, в руках которой находится «империум», или власть, в чем убежден исследователь В.К. Кантор [2].

Значение необходимости однозначного уяснения категории «нация» в становлении имперских компонентов государственности особенно подчеркивается вследствие возрастающих столкновений в ее пределах государственно-правовых, культурно-религиозных, языковых интересов составляющих ее социальных субъектов по мере усиления интеграционных процессов. В этой связи будет полезным, в частности, мнение Герфрида Мюнклера, подчеркивающего неоднозначность объединительных явлений: для империй «почти всегда от центра к периферии существует интеграционный спад, с которым связаны и неравные возможности соблюдения правовых обязанностей, и влияния на политику центра» [15, с. 90]. Факторами влияния в данном процессе оказываются геополитические и геоэкономические, поскольку присоединенные территории были ранее в сфере иных интересов и в другом статусе, однако «при этом решающую роль для взлета или падения империи могут играть незаметные факторы военного превосходства» [15, с. 95]. Говоря о значении на этом фоне этно-национального компонента империи, специалист исходит из того, что «в литературе постоянно подчеркивается мультиэтнический и, соответственно, многонациональный характер империй. Тем не менее значимость этой характеристики проблематична, поскольку, с одной стороны, она тривиальна — ибо обширные державы неизбежно охватывают многие этнические и, соответственно, национальные общества; с другой стороны, здесь существует множество политических различий, которые зависят от различий этнических и национальных, от того, поддерживаются ли они центром или подавляются, — и этими инструментами в конечном счете распоряжается имперский центр по принципу “разделяй и властвуй”» [15, с. 95]. По нашему убеждению, связь динамического построения имперской системы в контексте формирования национальной идентификации социализирующегося этноса не очевидна, то есть своеобразие соотношения элементов многофакторной конструкции социально-политической системы территории-населения служит основой перераспределения сил в становлении империи — либо усилиями центра, либо отказом окраин от своей самобытности и влияния на общеимперские власть-закон и постепенное их инкорпорирование в единый государственный механизм мегагосударства. Итак, из анализа вышесказанного возникает сомнение относительно предопределенности динамики имперского государства, во-первых, национальным контекстом общественного развития, во-вторых, проявившимися имперскими схемами

древнего Рима или средневековой Европы, в-третьих, силой лишь имперского центра.

Ввиду сложившегося взгляда на категориальный аппарат интеграции новых пространств и населения рассмотрим сущность нации как социальной структуры и общности. Как известно, существуют разные понятия нации, одно из них — социально-политическое (государственно-нация), другое — этническое. В современном понимании нация — это совокупность граждан, которые независимо от своей религиозной, этнической или расовой принадлежности обладают равными политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами и избирают свое правительство. Выходит, нация — это не всегда этап в развитии этноса, тем более что в мире не существует моноэтнических государств. Неоднозначен и ответ на вопрос, существуют ли в империи нации и складывается ли из них единая нация. Исходя из того, что, по убеждению В. А. Тишкова, понятие «нация» носит «более строгий и более политический характер... но, по сути, подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества», можно сделать вывод, что связь понятий «нация» и «государство» в категории «нация-государство» [21, с. 558] не будет выступать аксиомой в историко-юридической науке. Подобно мыслит и Эрик Хобсбаум: «Слово *nation* до 1884 обозначало попросту “совокупность жителей страны, провинции или королевства”, а также “иностранца”» [26, с. 26], что доказывает функционирование государств без выделения в них национально-го свойства.

Итак, соотношение империи и мононационального государства будет различным, именно такой подход получил распространение в науке: «Империя представляет собой систему дифференцированного управления другими образованиями, а национальное государство, по крайней мере в теории, предполагает одинаковое обращение со всеми составляющими нации. Отношения граждан нации, равных перед законом, со своим государством отличаются от отношений между империей и ее подданными» [20, с. 39]. Считаем необходимым придерживаться взгляда, что имперскому государству присущи не схожие между собой политико-правовые традиции и культурно-хозяйственная многоукладность его регионов, при этом империя не только и не столько приводит их к общему уровню, сколько создает асимметричные механизмы управления и адаптации к местным традициям. Поэтому если в одном отношении главенствует необходимая унификация (публичное право), то во многих других должна присутствовать сложность (сохраняется партикулярное частное право, местная религия и др.). В общем виде такое мнение содержится и в зарубежных исследованиях: «Все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям... даже встречаясь с потенциально деструктивными влияниями двойной революции, часть правящих элит и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты или течения мысли в господствующую культуру» [13,

с. 45]. Заметим, что об имперской схеме управления стоит утверждать, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических или административных систем, традиций права, конфессий и так далее. То есть империя — это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разнородных традиций и укладов, на которые — без их разрушения — не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Сам механизм имперской интеграции может быть очень разным — от постепенной унификации хотя бы в основных установлениях (как в римской и французской имперских практиках) до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций (как в эллинистическом варианте). А потому, отмечая различие подходов к определению категории «нация», подчеркнем с целью обособления идеи, что источником подлинного имперского типа государственности выступает именно многоукладность, причем не отрицается и многонациональность. В этом случае можно сказать, что нация сформирована социальной историей, а этнос органичен, и следовательно, общее территориально-законодательное устройство этносов — это империя. И потому можно утверждать, что империя создает государственно-правовое пространство путем установления общей, наднациональной цели и общего, наднационального асимметричного, с несколькими «вертикалями власти» политического бытия для всех народов (в случае, если не сводить империю к деспотии). При этом, как замечает известный исследователь А.И. Миллер, стремление консолидировать основную нацию, в том числе очертив границы «национальной территории» внутри империи, совсем не обязательно предполагает стремление «распустить» империю. Более того, в имперском политико-правовом пространстве формируется и утверждается проект нации-государства с его культурно-языковой гомогенизацией населения, поскольку имперские успехи помогали строительству нации в имперском ядре. По убеждению ученого, «не столько сложившиеся нации-государства имперского ядра создавали империю, сколько империи создавали в своем ядре нации-государства» [14, с. 334]. По нашему мнению, в общем итоге необходимо констатировать, что большинство исследователей убеждены, что империя создается соотношением между традициями, ценностями, установками входящих в нее исторических, территориальных, этнических и других групп и той общей системой политических и правовых норм, в которую интегрируются эти группы, лишаясь суверенности [2—11]. Причем само слово «империя» указывает, что в основе интеграции лежит подчинение этих окраинных населения-территорий единой власти, от которой исходят указанные нормы. А потому формирование и реализация регионального управления в империи — процесс длительный и зависит от ряда особенностей: этнокультурных и религиозных традиций, времени вхождения территории в состав империи, оформления и организации административной сис-

темы региона, возможности самостоятельной деятельности важнейших институтов управления данной территории в различной политической и правовой ситуации, взаимоотношений региона и центра, соотношения доверия-усмотрения и господства-иерархии между структурами государственной власти на местах и сферой местного управления. Кроме того, необходимо отметить немаловажную роль и субъективного фактора в этом процессе, в частности личностных отношений регионального правителя с местной элитой.

Итак, империя как форма организации социального сообщества этносов и наций далека от идеала, а потому следует считать аксиомой и согласиться с известным исследователем национальных процессов в истории Российской империи В. С. Дякиным в том, что образование и последующее падение многонациональных империй — закономерный результат исторического процесса. Сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповедания, находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, часто с собственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию, а потом и за независимость. История не знает ни одной сохранившейся многонациональной империи [1, с. 60–61]. И все же следует признать, что исследователи не выдвигают гипотезы только негативной оценки данной формы государственного устройства, поскольку на определенном этапе исторического развития такая форма позволяла обеспечивать единство общества, безопасность народов, ликвидацию анархии и способствовала мобилизации ресурсов и созданию благоприятных условий для развития экономики, социальной и культурной модернизации. В качестве доминирующего, структурообразующего фактора в империи выступает политический контекст, и в случае классических империй-конгломератов (объединения разнородных этносов, в основном военным путем), а также империй-иерархий (объединение народов с разным уровнем соподчиненности) стержневым их качеством остается государственное управление общими делами и конфликтами. Подобные суждения содержатся и в актуальных сегодня исследованиях: в частности, А. Мотыль указывает, что «под империей я понимаю иерархически организованную политическую систему...» [9, с. 13].

В итоге определимся с утверждениями: смысловое значение понятия «империя» исключительно велико; в зависимости от актуализации идеи империи в том или ином государстве набор признаков, определяющих данный феномен, будет иметь свою иерархию; в любом случае внешнее выражение империи будет заключаться в формуле арифметического, классического взгляда на природу государственности (определяется В. Е. Чиркиным как «власть — территория — население» [24, с. 38]) и формироваться, по нашему мнению, как «монархическая по сути власть — региональные несuverенные образования — надэтнический состав населения». Думается, что империя как форма государственного политико-территориального устройства обладает статически-

ми, типичными свойствами, основами, которые имеют в различной пространственно-временной вариации взаимообусловленную динамику:

1) *общественно-экономические* — хозяйственная многоукладность; поэтому на начальном этапе формирования империи обнаруживается незначительная потребность и возможность создания единого экономического пространства и государственного регулирования гражданских правоотношений собственности в завоеванной периферии и вытекающих из них социальных процессов, но по мере ее политического «освоения», достижения стабильности в реализации контрольно-регулирующей функции в присоединенном крае, увеличения территории империи и, соответственно, удаления окраин от центра линия усилий центральной власти от административных дел смещается в общем направлении консолидации экономически значимого населения;

2) *социальные* — сложность выделения и определения различного рода общественных структур в пределах государства — аристократических и правящих элит, производственных и привилегированных корпораций, сословных групп — по причине отсутствия общей региональной политики и следования ее принципу «разделяй и властвуй» на основе разного объема прав и обязанностей населения регионов империи, при этом и структура государственного управления не едина — управление осуществляется общими, специальными и особыми правительственными учреждениями;

3) *организационно-правовые* — увеличивающийся дуализм государственного управления по мере динамики целей (присвоение территорий — народная колонизация — интеграция), включающий самодержавную централизацию в совокупности с децентрализацией, деконцентрацией и даже, в случае вынужденной необходимости поддержания государственного единства, деволюцию власти в отдельном регионе с опорой на местные элиты, а также в целом наличие нескольких «вертикалей власти» по причине разного объема полномочий местного управления и самоуправления в территориях вследствие геополитических условий, что позволяет охарактеризовать его как эволюционирующее в государственно-регионалистское в ходе практики правоприменения субъектов административной системы государства;

4) *правовые* — территориально-законодательное устройство включает в классический период развития имперского пространства «право империи», с одной стороны, с другой — «право народов» — партикулярное, преимущественно обычное право местности, не применяющее общее законодательство даже на уровне субсидиарного; и, наконец, имплементация международно-правовых обязательств; а по мере постепенной ликвидации местного права империя вступает в полосу кризиса;

5) *культурные* — борьба народов за сохранение территориального автономизма в религии, языке и традициях в условиях признания ими общеимперской доминанты — подданства и господствующей правовой идеологии великодержавия и служения или правителю, или государству, или нации.

Список литературы

1. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
2. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: к проблеме имперского создания в России. М., 2008.
3. Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой»: избр. соц.-филос. публицистика. М., 1996.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.
5. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.
6. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг. Ч. 2: Направления, линии и процессы институционализации. Екатеринбург, 2004.
7. Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М., 2004.
8. Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.
9. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.
10. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск, 2004.
11. Циунчик Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.
12. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы международной конференции 1993 г. М., 1994.
13. Фон Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.
14. Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. 2007.
15. Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства – от Древнего Рима до Соединенных Штатов // Прогнозис. 2006. № 1(5).
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1981.
17. Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М., 2007.
18. Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3. СПб., 1903.
19. Современный словарь иностранных слов. 3-е изд., стер. М., 2000.
20. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
21. Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
22. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.
23. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб.; М., 1881.
24. Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. М., 1999.
25. Чиркин В.Е. Государственное управление. Элементарный курс. М., 2001.
26. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб., 1998.

Об авторе

Н. И. Красняков — канд. юр. наук, доц., Уральская академия государственной службы, г. Екатеринбург; e-mail: sova88@yandex.ru

Author

Dr. N. Krasnyakov — Associate Professor, The Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg, e-mail: sova88@yandex.ru